

А. С. Крымская
Рецензия на монографию
Дэвида Энгермана
«Знать своего врага:
взлет и падение
американских советологов»¹

Заголовок новой книги американского историка Дэвида Энгермана точно характеризует взаимоотношения двух супердержав — СССР и США — в годы «холодной войны». В то же время из потока литературы, посвященной «холодной войне», книга выделяется тем, что она освещает не военный, а интеллектуальный аспект этих отношений. «Знать своего врага: взлет и падение американских советологов» — это работа о том, как в США были мобилизованы лучшие интеллектуальные умы на изучение Советского Союза. На протяжении всего послевоенного периода американская администрация совместно с учеными и частными фондами создавала новое предприятие — беспрецедентное для академической области. Оно носило разные названия: «Russian studies», «Soviet studies», «Sovietology», но было призвано служить двум богам — Марсу и Минерве, национальной безопасности страны и академической жизни (С. 1).

Процесс создания этого предприятия и его развитие Д. Энгерман раскрывает на основе архивных материалов, среди которых 46 личных фондов, в том числе экспертов по России и Советскому Союзу (Мартина Малиа, Фредерика Баргхорна, Филиппа Мосли и др.). Кроме этого, автор ссылается на личные разговоры с непосредственными свидетелями и участниками формирования направления «американское россиеведение» — Джозефом Берлинером (*Joseph Berliner*), Джеймсом Милларом (*James Millar*), Баррингтоном Муром Младшим (*Barrington Moore Jr.*), Уильямом Одомом (*William Odom*), Маршалом Шульманом (*Marshall Shulman*), Реджиналдом Зелником (*Reginald Zelnik*), Фредериком Уайлом (*Frederick Wyle*), Уильямом Розенбергом (*William Rosenberg*), Джер-

**Крымская Альбина
Самиуловна,**
кандидат
педагогических наук,
Санкт-Петербургский
государственный
университет культуры
и искусств
(Санкт-Петербург)

ри Хью (*Jerry Hough*), Йелом Ричмондом (*Yale Richmond*), Джеймсом Биллингтоном (*James Billington*), Блэром Рублом (*Blair Ruble*), Стивенем Коэном (*Stephen F. Cohen*) и др.

Свое повествование о зарождении россиеведения Д. Энгерман начинает с 1930-х гг., когда были предприняты первые шаги по созданию сферы славяноведения. Именно тогда единственный славист Гарварда Сэмюэл Хаззард Кросс (*Samuel Hazzard Cross*) начал заниматься с докторантами по русскому языку и сравнительной литературе, а русский эмигрант Михаил Карпович — готовить небольшую группу докторантов по русской истории, одним из которых был будущий советолог Филипп Мосли. Именно Мосли на полученный от Фонда Рокфеллера грант открыл русскую программу в Университете Корнелла (С. 14).

Активное шествие русского языка и русистики по просторам научных и учебных заведений США началось в 1940-е гг., когда стали открываться центры по изучению СССР и специальные программы в университетах, создаваться научные общества, среди которых — Американская ассоциация развития славянских исследований (*American Association for the Advancement of Slavic Studies / AAASS*). В это же время был основан журнал «*American Slavic and East European Review*» (впоследствии переименованный в «*Slavic Review*»). Уже «спустя год после смерти Сталина, американские ученые — эксперты по России пересмотрели сферу, которую они создали. Стимулом для переоценки стал новый участник сферы страноведения — Фонд Форда, который по расходам быстро превзошел фонды Карнеги и Рокфеллера вместе взятые. После смерти Форда в 1947 г., фонд существенно расширился и вскоре начал активно инвестировать — до 1 млн долларов в год в поддержку страноведения в американских университетах» (С. 41). Именно эта поддержка дала возможность многим американским стажерам, приезжавшим в советские университеты с конца 1950-х гг., изучать русский язык в университетах. По воспоминаниям одной из участниц советско-американских обменов Дженет Кеннеди, интерес к русскому языку возрос настолько, что некоторые пробовали изучать его, включая в 6 часов утра телевизионный курс².

Результатом сотрудничества правительства и академического сообщества стали обмены между СССР и США в области науки, образования и техники, соглашение о которых было подписано в 1958 г. В 2000-е гг. в США были опубликованы две книги, которые с разных сторон характеризуют такое сотрудничество. Первая из них — «Приключения в русской исторической науке: воспоминания американских ученых со времен холодной войны до настоящего времени» («*Adventures in Russian historical research*») — это сборник воспоминаний американских ученых-историков, которые участвовали в научных обменах с 1958 по 2000 г.³ Среди них были Николай Рязановский, Фредерик Старр, Ричард Стайтс, Джон Александр и другие. Всего сборник включает воспоминания 20 ученых. Вторая книга «Холодная война и научные обмены: поднятие железного занавеса» («*Cold war and scholarly exchanges: raising the iron curtain*») написана дипломатом Йелом Ричмондом, непосредственным участником подготовки соглашений об обменах⁴. В основе его работы лежат интервью с амери-

канскими и российскими участниками обменов, а также собственный опыт его и тех, кто был вовлечен в эти обмены или организовывал их.

Дэвид Энгерман также уделяет внимание научным обменам. И хотя ни одна из глав его книги непосредственно не посвящена этой теме, в разных частях монографии он приводит много интересных фактов из истории научных обменов между США и СССР, которые вводятся в научный оборот впервые. Так, кратко рассматривая в первой части **«Field in formation»** («Зарождение сферы») политику Межуниверситетского комитета по выдаче грантов на поездки (*Inter-University Committee on Travel Grants / IUCTG*, организации, которая была ответственной за научные обмены с американской стороны с 1958 до 1968 г.), Энгерман отмечает, что Комитет возвращивал американских журналистов, особенно тех, кто работал в «Нью-Йорк Таймс». Целью такой обработки было «иметь хорошие контакты на месте “просто на всякий случай, если что случится”» (**«just in case something happened»**) (С. 87–88). Газета реагировала на разногласия и конфликты, возникавшие в ходе выполнения условий соглашения об обменах, молниеносно. Ее влияние было настолько сильным, что в 1960 г. в «Нью-Йорк таймс» было передано письмо министра среднего специального и высшего образования СССР В. П. Елютина, в котором выражалась реакция на статью Фреда М. Хечингера «Отказы Советов сокращают обмен американскими студентами»⁵. «Мы с огорчением отмечаем, — говорилось в письме, — что в Америке существуют силы, которые не заинтересованы в развитии контактов в области образования и науки, но заинтересованы в их разрушении и дезинформации американского народа. Пример этого представлен статьей господина Хечингера. Я убежден, что наша общая обязанность предоставить американскому народу объективную информацию о положении дел. Ваша газета имеет широкий круг читателей в Соединенных Штатах, и она может внести вклад в развитие контактов между нашими странами в области образования, науки и культуры, для которых мы прилагаем искренние усилия»⁶.

Д. Энгерман отмечает, что несмотря на успех сотрудничества правительства США с академическим сообществом, вскоре в области обменов стали возникать проблемы. Одна из сторон сотрудничества — так называемая проверка имен участников обменов — привела к конфликту. В монографии описана процедура такой проверки. С самого начала Комитет уведомлял Государственный департамент о кандидатах, чтобы «тот мог получить первоначальное представление о том, какой будет окончательный состав [студенческой] группы» (С. 90). Затем Госдеп запускал так называемую «проверку имен» (**«name-check»**). Это не было полной проверкой благонадежности, но влекло за собой проверку картотеки ФБР. Что точно делали Госдеп и Комитет с информацией, полученной по результатам проверки имен, вначале было непонятно, но выяснилось, когда стали возникать отдельные прецеденты. Проверка проводилась на политическую зрелость кандидатов и их эмоциональную устойчивость. Комитет отправлял список финалистов в Госдеп, который проверял имена и отмечал кандидатов, которые вызвали риск в плане безопасности. Если отборочная комиссия,

которая была в неведении относительно результатов проверки имен, выбирала кого-то, кто находился в группе риска, Комитет отправлял члена факультета того университета, из которого был конкурсант, в Вашингтон для ознакомления с личным делом кандидата (С. 90).

Книга раскрывает и другие, ранее неизвестные факты из деятельности Межуниверситетского комитета по выдачам грантов на поездки. Например, Энгерман пишет о председателе Комитета Роберте Бирнсе, с именем которого связывает конфликтные ситуации, возникавшие как внутри организации, так и за ее пределами.

Декан исторического факультета Университета Индианы с 1956 г., автор монографий о К. П. Победоносцеве, В. О. Ключевском, а также работ об американской русистике, в прошлом консультант Фонда Форда, Роберт Бирнс⁷, как отмечалось в некрологе, способствовал развитию русских исследований в университете. Его называли «влиятельным экспертом по России»⁸. Его учениками были кремлинологи — бывший директор программы русских исследований в Принстонском университете, профессор Стивен Коэн (*Stephen F. Cohen*) и бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс (*Robert M. Gates*). Несмотря на заслуги Бирнса, которые отмечали его коллеги, Энгерман критически относится к его деятельности на посту председателя Комитета. Специалист по истории Франции, Бирнс, как отмечает Энгерман, в течение года проходил переподготовку по русской программе в Колумбийском университете в конце 1940-х гг., и стал русистом. Его поздний приход в эту сферу показал его явный недостаток в языковой подготовке. «Коллеги, — пишет Энгерман, — вспоминают, что он полагался больше на ярость, чем на языковую беглость в период переговоров по обменам в Москве <...>. У Бирнса были трудности с поиском подходящей работы в начале 1950-х гг. — факт, который он объяснял антикатолическим отношением в элитных университетах. Он сделал выбор в пользу работы в ЦРУ, которому посвятил 3 года своей жизни» (С. 91).

Вторая часть монографии «Знать своего врага» посвящена пяти научным направлениям, которые развивались в Соединенных Штатах с 1940-х до конца 1960-х гг., — экономике, литературоведению, истории, социологии и политологии. Д. Энгерман показал, как разрабатывались различные подходы по изучению и оценке советской экономики (С. 97–128). Несмотря на успех экономической советологии в 1960-е гг., вскоре здесь стало наблюдаться устойчивое снижение интереса со стороны студентов к этой теме. Студенты, которые выбрали в качестве своей специальности советскую экономику, столкнулись с трудностями в получении научных должностей, поскольку вакансии в таких университетах, как Гарвардский, Колумбийский, уже были заняты теми, кто относился к первому поколению студентов 1950-х гг. (С. 126). Число экономических тем в программах обменов с Советским Союзом тоже было минимальным.

Иначе обстояло дело в литературоведении и истории. Изучение и той, и другой сферы вращалось вокруг русских эмигрантов. В течение двух десятилетий после Второй мировой войны сфера русской истории в США во многом была «русской», поскольку большинство

историков были эмигрантами, так же как и большинство их студентов (С. 153). Но что важнее, в изучении русской истории господствовали «русские доводы и подходы». Энгерман пишет об американских историках, которые в 1960-е гг. стали первооткрывателями новых тем — Леопольде Хеймсоне, Реджиналде Зелнике, Александре Рабиновиче, Рональде Грегори Сани и др.

С наступлением 1980-х гг. произошел спад в советско-американских отношениях, который коснулся и научно-образовательной сферы. Этому посвящена третья часть «Кризис, конфликт и развал» (С. 233–339). Здесь Энгерман приводит слова Роберта Бирнса, сказанные последним в 1964 г.: «Никогда со времен эпохи Возрождения наука так щедро не финансировалась, как это было в Соединенных Штатах со времен Второй мировой войны. Эти замечательные дни подходят к концу, так как фонды обращают свое внимание на другие интересы. Если, когда это случится, университеты останутся неподготовленными к действию, русские и восточноевропейские исследования пострадают от ошеломительного удара» (С. 235). Спустя несколько лет это предостережение стало сбываться. Уже в начале 1970-х гг. русские исследования в США переживали период застоя.

Кризис наблюдался и в области научно-образовательных обменов. Сокращение финансирования со стороны Фонда Форда и средств, выделяемых по Закону об образовании ради национальной обороны 1958 г. (*National Defence Education Act*), привело к тому, что руководством Русского исследовательского центра Гарварда был даже поставлен вопрос о закрытии центра (С. 238).

В третьей части Д. Энгерман снова возвращается к фигуре Роберта Бирнса и Межуниверситетскому комитету, который обвиняли в чересчур большой заботе об аспирантах. Стажеры страстно отреагировали на политику Комитета относительно поведения студентов, которая привела к отзыву некоторых студентов из СССР. Так, Комитет изучал личное поведение стажеров, в частности, социальную (в том числе сексуальную) жизнь студентов. Это было вызвано тем, что персонал посольства беспокоился, что советские власти могли завербовать студентов при помощи раскрытия внебрачных связей женатых участников программы или обещаниями студентам доступа в архив. Известный историк Лорен Грэхэм в одном из своих интервью вспоминал, как в 1972 г. он был приглашен в подмосковный ресторан, как выяснилось позднее, оказавшийся санаторием КГБ: «Мы знаем, что вам очень интересна история естествознания в Советском Союзе в 1920–1930-х гг. Смотрите, что мы можем вам дать». И показали мне изданную в СССР в 1930-е гг. стенограмму суда над Бухариным. Здесь она была только в спецхранах, но в Америке ее можно получить во всех крупных библиотеках. Но я подумал, что, наверное, там, в стене, есть потайной фотоаппарат, и если я возьму эту книгу, это будет сфотографировано, и потом они скажут: “Профессор Грэхэм! Видите, что у нас есть? Ваша фотография с этой книгой. Теперь вам надо работать с нами”. И я сказал: “Мне не нужна эта книга. Я не хочу с вами говорить. Я уезжаю”. И они ответили: “Это

невозможно. Москва в двадцати километрах отсюда, такси здесь нет. Вы здесь, и вам придется с нами говорить". Тогда я сказал: "Мне надо в туалет". И вышел». Грэхэму удалось выбраться через окно и добраться до гостиницы. На следующий день он улетел в Америку. Однако в следующий раз ему было отказано в советской визе с ответом: «**You are not welcome in our country**» (**«Вы нежеланный гость в нашей стране»**). Лишь спустя пять лет ему удалось снова посетить Советский Союз⁹.

Энгерман описывает реакцию Межуниверситетского комитета по выдачам грантов на поездки на бракосочетание американского участника обменов 1958/59 учебного года Томаса Хегарти с русской студенткой¹⁰. Несмотря на то, что американское посольство не выступало против этого брака, в Межуниверситетском комитете по выдаче грантов были этим обеспокоены. Д. Энгерман отмечает, что с самого начала обменов руководство Комитета контролировало поведение студентов (С. 241). Так, первый председатель Комитета Дэвид Манфорд¹¹ провел большую часть февраля 1959 г. в СССР, чтобы убедиться в том, что американским студентам в Москве и Ленинграде было комфортно, но так чтобы не очень («**but not too comfortable**»). Манфорд спрашивал участников о поведении их сокурсников, особенно заостряя внимание на их контактах с советскими гражданами. Узнав о помолвке Томаса Хегарти с советской девушкой, Манфорд был рассержен. Он пытался надавить на Хегарти через его друга, назвав эти отношения «зовом плоти», однако посольство выступило на стороне Хегарти.

Кроме этого, наблюдались неоднократные попытки со стороны ФБР и ЦРУ завербовать американских участников программы обменов. Эти попытки не прекращались даже после того, как была достигнута договоренность между руководством Комитета и главами спецслужб о прекращении визитов сотрудников спецслужб к участникам обменов накануне их отъезда в Советский Союз.

В 1967–1968 гг. против Р. Бирнса и Комитета было организовано «восстание» во главе с Лореном Грэхэмом, который обвинил Комитет в том, что тот отказал заявителям на основании «открытой гетеросексуальности». Так, один женатый студент был отправлен домой из-за того, что флиртовал с местной девушкой. Многие отзывы подобного рода были результатом информации, которую Р. Бирнс и его коллеги собирали от других студентов (С. 241).

Обычно принято считать, что если письма отправлялись стажерами обычной почтой из СССР в США, то советские власти читали письма. Д. Энгерман пишет, что стажеры также опасались того, что письма, которые они отправляли по каналу дипломатической почты, читались американскими дипломатами или руководством Комитета¹². Р. Бирнса также обвиняли в том, что в процессе предварительного отбора он покровительствовал своим студентам (С. 241)¹³. Этот конфликт привел к тому, что его отстранили от руководства Комитетом, а в конечном счете — и к смене Комитета на новую организацию, Совет по международным исследованиям и обменам (*IREX*).

Дэвид Энгерман приводит много других интересных и ценных фактов не только из области научных обменов, но из истории развития американской русистики. Обо всем этом свидетельствует широкий перечень источников и литературы, отраженных в библиографическом аппарате книги, который занимает 82 страницы издания, а также предметный и именной указатели, которые позволяют судить о содержании книги «Знать своего врага», несомненно, заслуживающей внимания широкого круга исследователей.

¹ Рец. на кн.: *Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. N. Y.: Oxford Univ. press, 2009. 459 p.*

² Дженет Кеннеди. Письмо автору от 06 июля 2010 г.

³ *Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003.*

⁴ *Richmond Y. Cultural exchange and the Cold war: raising the iron curtain. University Park, 2003.*

⁵ *Hechinger F. Delays by Soviet reduce U. S. student exchanges // New York Times. 1960. 26 June.*

⁶ *Yelyutin V. Student Exchange Program; Soviets Said to Observe Strictly the Provisions of Agreement // Ibid. 1960. 16 August. P. 28. — Об этом см.: Крымская А. С. К истории научно-образовательных обменов между СССР и США в конце 1950-х — 1960-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 99–106.*

⁷ Среди его работ: *Bibliography of American publications on East Central Europe, 1945–1957. Bloomington, 1958*; *The non-western areas in undergraduate education in Indiana / Ed. Robert Byrnes. [Bloomington, 1959]*; *The United States and Eastern Europe / Ed. by Robert F. Byrnes. Englewood Cliffs (N. J.), [1967]*; *U. S. policy toward Eastern Europe and the Soviet Union. Boulder, 1989*; *A history of Russian and East European studies in the United States: selected essays. Lanham (Md.), 1994*; *Russia a century ago. Houston: Univ. of Saint Thomas, 1965*; *Awakening American education to the world: the role of Archibald Cary Coolidge, 1866–1928. Notre Dame, 1982.*

⁸ Robert Francis Byrnes, 79, Influential Expert on Russia / Wolfgang Saxon // *New York Times. 1997. 3 July.*

⁹ Грэхэм Лорен. «Я — Плюралист...»: интервью с Лореном Грэхэмом / Беседу вел С. С. Илизаров // *Вопр. истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 140. — В своих мемуарах, опубликованных отдельной книгой, Л. Грэхэм вспоминал, как перед отъездом в Советский Союз Государственный департамент предостерегал стажеров от романтических или сексуальных контактов с советскими гражданами (*Graham L. Moscow stories. Bloomington, 2006. P. 44*).*

¹⁰ *Salisbury Harrison E. Love recognizes no iron curtain // New York Times. 1959. 9 June. P. 39.*

¹¹ Роберт Бирнс в своей работе о советско-американских научных обменах указывает, что Дэвид Манфорд был заместителем председателя Комитета (*Byrnes R. Soviet-American academic exchanges, 1958–1975. Bloomington, 1976. P. 88*).

¹² О скандале, связанном с копированием ЦРУ личных писем, отправленных или полученных американцами в период с 1950 по 1973 г., написал в своих воспоминаниях Уильям Эджертон, переписка которого также находилась под контролем ЦРУ (*Edgerton W. Adventures of an innocent American professor with the CIA and KGB // Russian history. Vol. 24. 1997. N 3. P. 321–327*).

¹³ О проблемах стажеров с ЦРУ и ФБР писал в своих воспоминаниях и Л. Грэхэм: «Когда я вел свои исследования здесь, в Советском Союзе, оба эти агентства, КГБ и ЦРУ, создавали мне проблемы. И те, и другие хотели,

чтобы я работал с ними» (*Moscow stories*. Bloomington, 2006). **Фредерик Старр в своих воспоминаниях рассказал, как в Ленинграде КГБ пытался завербовать его** (*Starr S. F. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant insights in an era of relevance // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003. P. 77*). **О влиянии американских спецслужб на деятельность Межуниверситетского комитета** речь шла и в брошюре В. Андреева «Научный обмен и идеологическая диверсия», опубликованной в Ленинграде в 1970 и 1972 гг.

Krymskaya A. S. Review on: Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts.

AUTHOR: Ph.D. in Pedagogics, Saint-Petersburg State Culture and Arts University (Saint-Petersburg); cnbl98@hotmail.com

REFERENCES:

- ¹ *Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. N. Y.: Oxford Univ. press, 2009.
- ² *Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003.*
- ³ *Richmond Y. Cultural exchange and the Cold war: raising the iron curtain*. University Park, 2003.
- ⁴ *Hechinger F. Delays by Soviet reduce U. S. student exchanges // New York Times*. 1960. 26 June.
- ⁵ *Yelyutin V. Student Exchange Program; Soviets Said to Observe Strictly the Provisions of Agreement // New York Times*. 1960. 16 August.
- ⁶ *Krymskaya A. S. K istorii nauchno-obrazovatel'ny'x obmenov mezhdru SSSR i SSHA v konce 1950-x — 1960-e gg. // Novejshaya istoriya Rossii*. 2011. N 2.
- ⁷ *Byrnes R. Bibliography of American publications on East Central Europe, 1945–1957*. Bloomington, 1958
- ⁸ *The non-western areas in undergraduate education in Indiana / Ed. Robert Byrnes*. [Bloomington, 1959].
- ⁹ *The United States and Eastern Europe / Ed. by Robert F. Byrnes*. Englewood Cliffs (N. J.), [1967].
- ¹⁰ *Byrnes R. U. S. policy toward Eastern Europe and the Soviet Union*. Boulder, 1989.
- ¹¹ *Byrnes R. A history of Russian and East European studies in the United States: selected essays*. Lanham (Md.), 1994.
- ¹² *Byrnes R. Russia a century ago*. Houston: Univ. of Saint Thomas, 1965.
- ¹³ *Byrnes R. Awakening American education to the world: the role of Archibald Cary Coolidge, 1866–1928*. Notre Dame, 1982.
- ¹⁴ *Robert Francis Byrnes, 79, Influential Expert on Russia / Wolfgang Saxon // New York Times*. 1997. 3 July.
- ¹⁵ *Graham L. «Ya – Plyuralist...»: interv`yu s Lorenom Grahamom / Besedu vel S. S. Ilizarov // Voprosy istorii estestvoznaniya i texniki*. 2004. N 1.
- ¹⁶ *Graham L. Moscow stories*. Bloomington, 2006.
- ¹⁷ *Salisbury Harrison E. Love recognizes no iron curtain // New York Times*. 1959. 9 June.
- ¹⁸ *Byrnes R. Soviet-American academic exchanges, 1958–1975*. Bloomington, 1976.
- ¹⁹ *Edgerton W. Adventures of an innocent American professor with the CIA and KGB // Russian history*. Vol. 24. 1997. N 3.
- ²⁰ *Starr S. F. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant insights in an era of relevance // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003.*